

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА И НАКАЗАНИЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ТУВИНЦЕВ В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1920-Е ГОДЫ

В условиях становления и развития национального государства система судопроизводства подверглась коренным изменениям. Отказ от устаревших принципов правосудия, таких как правовой формализм, применение пыток при допросах, социальная дифференциация видов наказания происходил постепенно в условиях укрепления системы народовластия. В процессе становления правосудия прослеживались противоречивые тенденции. На начальных этапах из-за отсутствия подготовленных кадров, слабой законодательной основы в системе судопроизводства применялись обычно-правовые нормы. Постепенно происходит замена судебных норм обычного права нормативно-правовыми актами. Сфера действия частного наказания сужается, а сфера государственного регулирования увеличивается.

По Конституции 1921 г. судебная власть переходила к выборным органам местного самоуправления. В дореволюционной Туве судебные функции также выполняли хошунные и сумонные власти в лице нойона и его помощников. Но нойон получал должность соответственно своему социальному статусу как представитель родоплеменной знати. Верховной судебной властью обладал *амбын-нойон* – верховный правитель Тувы. Тяжкие преступления рассматривал генерал-губернатор – *цзянь-цзюнь* в Улясутае.

Провозглашение демократической республики требовало создания новой системы законодательства, органов правосудия. Правительство ТНР занималось разработкой нормативной базы в 1921-1923 гг., на примере законов Советской России. Принципы революционной законности, защиты угнетенных слоев населения, социального равенства были заложены в новых уложениях. При этом отсутствие достаточных знаний и опыта в правотворческой деятельности сказалось в незавершенном характере нового уголовного уложения. Правовые нормы отражали особенности общественных отношений: сохранение кочевого уклада жизни и традиционных представлений, социальное неравенство.

Конституционные нормы определяли развитие системы правосудия в ТНР. Утверждение нового конституционного строя в 1921 г. на принципах народовластия, социального равенства, защиты прав угнетенных слоев общества привело к появлению новой системы судопроизводства. Функции правосудия переходили от нойонов [1] к выборным органам местного самоуправления. Во главе хошуна [2] избирался Заведующий, а сумоном [3] руководил коллективный совет из трех лиц [4]. Система правосудия представляла собой трехуровневую организацию. В низших административных территориях – сумонах - правосудие осуществляли сумонные советы, в хошунах – хошунные коллективы. Тяжкие преступления, такие как убийства, скотокрадство, изнасилования и др., рассматривало правительство ТНР – Центральный Совет [5]. Для функционирования системы судебной власти необходимо было принятие новой законодательной базы.

В 1923 г. на I Великом Хурале ТНР были приняты «Основные законы ведения политической работы народного правительства Танну-Тувинской народной республики» [6]. На основании принятых конституционных норм отменялись старые звания и чины, должности, учреждались четыре министерства: внутренних дел, иностранных дел, финансов и юстиции. Таким образом, функции правосудия переходили к Министерству юстиции [7]. В рамках Министерства создавались судебные органы республики. В хошунах и сумонах действовали выборные судебные коллегии, тяжкие преступления рассматривало Министерство юстиции.

Сотрудниками правительства был разработан проект уголовного уложения, принятый депутатами II Великого Хурала ТНР в 1923 г. [8]. В новом Уложении получили отражение старые и новые правовые нормы. При создании статей закона разработчики должны были решить ряд проблем: определение категории и признаков преступления; установление возраста уголовной ответственности; сущность наказания и его виды. Необходимо было также учесть особенности общественных отношений, основанных на принципах взаимопомощи, социально-возрастной иерархии. Поэтому в уголовном положении сохранили наказание плетьюми как временную меру, поскольку основным видом наказания по Уложению определили лишение свободы, но

^{*} © В.М. Дамдынчап, Тувинский государственный университет, 2006.

тюремных помещений не было. Судья обладал правом создавать новые виды наказания с учетом характера преступления, личности преступника и традиционных представлений. До принятия этого кодекса судебные решения принимались в соответствии с нормами обычного права [9] и на основании государственных временных положений [10].

По Уложению низшие сумонные суды могли судить за преступления, сроки наказания за которые не превышали одного года. Хошунные суды рассматривали дела, сроки которых не превышали трех лет. Высший апелляционной инстанцией стал Верховный суд ТНР при Министерстве юстиции ТНР, кроме этого, суд судил за тяжкие преступления. В судебных заседаниях на всех уровнях избирался Председатель суда и народные заседатели.

Становление новой системы правосудия и отмена некоторых обычно-правовых норм утверждались с большими трудностями. Для нормального функционирования закона необходимо было наличие подготовленных кадров. Количество грамотных людей было незначительным, большинство аратов не владели письменностью. Отсутствие национальной письменности также осложняло подготовку кадров. Все делопроизводство до принятия новой тувинской письменности на латинизированной основе в 1930 г. велось на старомонгольском языке. Грамотными были в основном нойоны, которые оставались во главе хошунов и сумонов. И в судебных коллегиях количество бывших феодальных чиновников было значительным. Еще одной существенной проблемой на пути становления нового судопроизводства явилось непонимание, непринятие чиновниками новых методов правосудия. За период 1920-х годов во многих уголках страны сохранялись обычно-правовые отношения. Правительство и Тувинская Народно-Революционная Партия пытались изменить старые формы правосудия путем принятия постановлений и разъяснительной работы среди населения.

Особая роль в формировании политической системы принадлежит III Великому Хуралу, работавшему в сентябре 1924 г. Депутаты III Великого Хурала приняли новую Конституцию, третью по счету [11]. Министерство юстиции сохраняло функцию правосудия. Данный Хурал стал важным этапом в деле укрепления независимости и самостоятельности ТНР. На нем также были дополнены статьи действовавшего уголовного кодекса [12]. Дополнительные 5 статей касались запрета контрабанды, дополняли наследственные нормы, институт расстрела при смягчающих обстоятельствах заменялся восьмилетним заключением, и другие [13]. В дальнейшем предполагалось более детально разработать процессуальные и уголовные нормы.

24 ноября 1926 г. на IV Великом Хурале была принята четвертая Конституция ТНР. Более детально определялись функции органов самоуправления хошунов, сумонов, багов [14] и арбанов. Власть принадлежала съездам местных самоуправлений, а для текущего управления избирали исполнительные органы – *нутугун закирога* [15]. В целом основной закон подтвердил развитие страны по демократическому некапиталистическому пути.

Во второй половине 1920-х годов постепенно набирала силу ТНРП, которую не удовлетворяли принятые конституционные нормы. На внутреннее развитие ТНР большое влияние оказывали в данный период СССР и МНР. К концу 1920-х годов оформилась политическая система государства, укрепившая суверенность ТНР. В экономической сфере господствовали кочевое скотоводство, кустарная промышленность.

Период 1920-х годов – это время сосуществования традиционного уклада жизни и революционных изменений политической структуры. С.Ч. Саг утверждает: «О построении социализма на начальном этапе существования ТНР практически не упоминалось. О нем невозможно говорить в стране, стоявшей на докапиталистической стадии развития, в стране с неграмотным населением, пока не имевшим навыков госуправления» [16]. Принятие Конституции 1926 г. завершало демократический этап развития страны.

После образования национального государства в 1921 г. начинается постепенное изменение обычно-правовых норм в соответствии с политическими целями развития страны. Период 1921-1923 гг. стал временем, когда обычное право регулировало общественные отношения, пока революционные власти были заняты проблемой сохранения суверенитета ТНР. Административное деление страны оставалось прежним, во главе хошунов, сумонов стояли нойоны. В целом каких-либо значительных изменений не произошло. Жалобы населения представителями власти решались на основании обычного права и Китайского Уложения. В дореволюционный период увеличилось вмешательство властей в семейно-брачные нормы. В этот период данная тенденция сохранялась. Больше всего рассматривались имущественные споры после развода супругов. Участились кражи скота, которые расследовались на основании обычного права [17].

Дела о скотокрадстве расследовались соответственно обычному праву. Например, в Улуг-Хемское хошунное управление за 1922-1923 гг. поступило 7 дел об угоне скота. По судебным материалам видно, что для поимки воров чиновники допрашивали с пристрастием возможных сообщников и свидетелей, которые и указали на истинных преступников. Из 7 дел за это время было расследовано 5, преступники были пойманы и наказаны. Основной мерой наказания для них выбрали битье плетками, в зависимости от степени участия в преступлении, от 50-200 ударов [18], хотя в данном случае были нарушены конституционные нормы, запрещающие применение пыток в следствии. Но проблема отказа от применения физического истязания была достаточно острой для правительства. Поскольку даже среди членов правительства были сторонники сохранения подобных наказаний. Так, главный министр Буян-Бадьргы при обсуждении доклада министра юстиции обратил внимание на то, что применение пытки единственный способ установления истины [19].

После принятия Уголовного уложения и вступления его в силу 28 сентября 1923 г. система правосудия стала постепенно меняться. Ежегодно на Великом Хурале министры народного правительства выступали с докладами о проделанной работе. За период 1920-х годов окончательно решить проблему пыток и физического наказания не удалось [20]. В целом такое положение связано с традиционным мировоззрением.

Даже принятие такого постановления высшего органа управления мало меняло положение дел. По Уголовному уложению ТНР в качестве временной меры сохранялось наказание плетьюми. В сущности, по постановлению оно отменялось, но в докладе министра юстиции в 1926 г. на сессии Малого Хурала и в выступлениях хошунных управляющих говорится о применении пыток в следствии и полном игнорировании революционного законодательства [21]. Малый Хурал еще раз постановил: «...Необходимо в дальнейшем полностью искоренить применение телесного наказания в дознании и наказании и судебные дела вести в соответствии с аналогичными положениями передовых развитых стран» [22]. Такое положение сохранялось до конца 1920-х годов как наиболее часто встречаемое нарушение следственными и судебными органами законодательства ТНР.

В сложных случаях, когда не было прямого указания в Уголовном законе, министр юстиции выносил такие дела на обсуждение перед членами Малого Хурала [23]. В постановлении Хурала было принято положение, по которому судья мог выносить решение по своему усмотрению, учитывая смягчающие и отягчающие обстоятельства [24]. В уголовном уложении судье давались полномочия выбора санкции в зависимости от обстоятельств дела [25]. Это соответствовало принципам обычно-правового судопроизводства.

В своих отчетах министр юстиции ежегодно указывал на сохранение обычно-правовой практики в системе судопроизводства. По Уголовному уложению были введены новые категории преступлений, например, производство, продажа и употребление спиртных напитков (§ 64), противорелигиозная пропаганда (§ 57), невыплата жалованья (§ 75), связь женатого мужчины и замужней женщины (§ 81) [26]. Виды наказания также были дополнены: лишение свободы со строгой изоляцией, высшая мера наказания – расстрел [27]. Приговоры к смертной казни оглашались перед народом, физическое наказание также осуществляли принудительно [28]. Отмечались случаи, когда судебные дела рассматривались судебными коллегиями в хошунах на народных собраниях – *чыыш*. При этом судебное разбирательство проходило в присутствии народа, решение, выносимое судьей, одобрялось или осуждалось. Иногда араты настаивали на применении норм обычного права, т.к. это считалось справедливым, не принимая новые нормы [29].

Для признания и функционирования законов правительство, в частности Министерство юстиции, разъясняли аратам сущность новых норм, убеждали не препятствовать следствию и судебному разбирательству. Но коренным образом изменить отношение аратов к новым нормам не удалось, поскольку не хватало образованных людей, сами следователи слабо разбирались в новых законах, методах следственной работы. Поэтому частыми были случаи, когда обвиняемых заковывали в кандалы, чтобы они не совершили побеги, т.к. во многих хошунах и сумонах не было тюрьмы. И для облегчения расследования дел и выполнения наказания судьи часто применяли наказание палками или присуждали к ношению шейной колодки – *дэнгу кедире* [30].

При рассмотрении дел прослеживался правовой формализм, когда судья принимал решение в пользу богатых и знатных людей, считая их благородными и не способными к преступлениям. Так, при рассмотрении иска о возврате трех мешков зерна батраком Сундуром из сумона Ооржак своему богатому сородичу судья вынес решение в пользу истца, постановив отработать долг в хозяйстве истца, т.к. он нарушил условия договора [31]. В данном случае судья нарушил § 32 Уголовного уложения, по которому несостоятельный обвиняемый должен вернуть частично долг или отбыть тюремное заключение [32]. По нормам обычного права несостоятельный должник подвергался наказанию палками или отработывал долг [33].

Еще одна проблема, которая поднималась на сессиях Великого Хурала на протяжении 1920-х годов, – споры между тувинцами и русскими колонистами. Для расследования преступлений между русскими и тувинцами учреждались специальные совместные комиссии, которые выносили решения спорных вопросов [34]. Наиболее частыми исками со стороны русских были дела о потраве скотом засеянных участков. Тувинцы же, в свою очередь, считали, что они правы, поскольку колонисты заняли их пастбища, и требовали отобрать земли [35]. В таких конфликтных ситуациях совместные комиссии пытались решить дело путем компромисса. Но земельные споры между тувинцами и русскими продолжались. Без решения данного вопроса невозможно было отрегулировать взаимные претензии. Так, на III Великом Хурале депутаты подняли вопрос о священных местах, которыми не могут пользоваться русские. По постановлению Хурала все священные места, особенно озера, не могли быть использованы в хозяйственной деятельности русским населением [36].

Правительство Тувы пыталось решать земельные споры, но иногда со стороны Русской Самоуправляющейся Трудовой Колонии не было встречного движения. Так, в постановлении V Великого Хурала говорилось: «...То положение, что исполком русских колонистов препятствовал решению тяжб между коренными жителями и русскими колонистами, а в случаях пренебрежительного отношения к этим делам никак не отвечает требованиям укрепления дружественных отношений. Поэтому эти дела подлежат разбору путем общения об этом в нужные инстанции, чтобы предотвратить в дальнейшем такие явления. В случае возник-

новения тяжких преступлений со стороны русских или других иностранных граждан, то дело решается путем созыва представителя той стороны, гражданином которой данный человек является» [37]. Во второй половине 1920-х годов совместные комиссии уже действовали постоянно.

К 1927 г. следственные органы были организованы практически во всех хошунах, кроме Тоджинского. Из-за удаленного и закрытого географического положения изменения на Тодже происходили гораздо медленнее. В соответствии с уголовным законом следственные и судебные органы рассматривали мелкоуголовные и гражданские дела. Все материалы расследования тяжких преступлений направлялись непосредственно в Министерство юстиции. Из-за недостаточной разработанности законодательной базы при решении сложных дел или наложении наказания Министерство юстиции обращалось к правительству, которое выносило свое решение. Основными источниками права в период 1921-1929 гг. можно выделить: нормативно-правовые акты, судебные и административные прецеденты, нормы обычного права.

Обычно-правовые нормы применялись в решении брачно-семейных, наследственных споров. В хошунных и сумонных судах, особенно отдаленных территорий, решения выносились на основании традиционных норм, что в своих ежегодных докладах постоянно отмечал министр юстиции [38].

В целом в период демократического развития Тувы сосуществование обычного права и законодательства объяснялось рядом объективных факторов. Во-первых, обычно-правовые нормы регулировали отношения кочевого общества, поскольку тувинцы сохранили свой традиционный уклад жизни; во-вторых, в правительстве значительное влияние имели представители бывшего чиновничества, знатоков обычно-правовых норм; в-третьих, власти стремились сохранить своеобразие традиционного общества. В конце 1920-х годов усиление влияния СССР становилось более значительным. Страна постепенно переходила к периоду социалистических преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нойон – правитель, представитель родоплеменной знати.
2. Хошун – административно-территориальная единица, соответствующая району.
3. Сумон – административно-территориальная единица, состоявшая из нескольких территориальных общин.
4. Конституции Тувы. – С. 27.
5. Там же. – С. 27.
6. Исследователь истории Тувы Дубровский В.А. впервые ввел в научный оборот текст Конституции 1923 г., определив ее как переходную. - ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д.1, л. 1-2.
7. Конституции Тувы. – С. 32.
8. По специальному постановлению Малого Хурала ТНР от 5 ноября 1943 г. Первым Великим Хуралом считался Всетувинский Учредительный Хурал 1921 г. ЦГА РТ. Ф. 92, оп. 1, д.430, л.95-96. Закон вступил в силу 28 сентября 1923 г.
9. Ф. 144, оп. 1, д. 7, л.6.
10. Ф. 144, оп. 1, д.7, л.34.
11. Конституции Тувы. – С. 35-38.
12. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д. 7, л.83.
13. Там же. Л.85.
14. Баг – административно-территориальная единица, состоявшая из нескольких десятидворок – арбанов).
15. Конституции Тувы. – С. 45.
16. Сат С.Ч. Развитие политической системы Тувинской Народной республики (1921-1944 годы). – Кызыл: Ред.-изд. отдел Тывинского гос. ун-та, 2000. – С. 17.
17. РФ ТИГИ. Д. 570, л. 35.
18. ЦГА РТ. Ф. 144, д. 52, л. 14-30.
19. Там же. Л. 32.
20. ЦГА РТ. Ф. 144, оп. 1, д. 11, л.1.
21. ЦГА РТ. Ф. 144, оп. 1, д. 12, л.62.
22. ЦГА РТ. Ф. 144, оп. 1, д. 12, л. 66.
23. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д. 30, л. 76-77.
24. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д. 30, л. 79.
25. ЦГА РТ. Ф. 92, оп. 1, д. 20 л.2-5.
26. ЦГА РТ. Ф. 92, оп. 1, д. 20, л. 6.
27. ЦГА РТ. Ф. 92, оп. 1, д. 20, л. 1.
28. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д. 30, л. 67.
29. РФ ТИГИ. Д. 563, л. 4.
30. РФ ТИГИ. Д. 1028, л.10.
31. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.2, д. 75, л. 9.
32. ЦГА РТ. Ф. 92, оп. 1, д. 20, л. 4.
33. РФ ТИГИ. Д. 249, л. 13.

- 34. ЦГА РТ. Ф. 144, оп. 1, д. 11, л. 2.
- 35. ЦГА РТ. Ф. 144, оп. 11, д.3, л. 3.
- 36. РФ ТИГИ. Д. 73, л. 3.
- 37. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д. 20, л.26.
- 38. ЦГА РТ. Ф. 144, оп.1, д.36.